

Мирские выборы в системе земского самоуправления на севере России в XVI–XVII вв.

DOI 10.31168/91674-483-5.35

Историки, исследующие доиндустриальное общество, базируются, как правило, на письменных документальных материалах и/или памятниках рукописной и печатной книжности. Свидетельства письменных источников служат для воссоздания исторических процессов и событий, а шире — культуры прошлого. В свое время А.С. Лаппо-Данилевский в двухтомном труде «Методология истории» (СПб., 1910, 1912) обосновал подход к «человеческой культуре» как целостному объекту познания. Он считал, что при изучении объективной реальности прошлого в центре внимания историка должны находиться не только события, но и мыслящие субъекты, будь то индивиды, группы или коллективы, так как они в обществах прошлого создавали в течение многих веков разнообразные творения, культурные в широком понимании. Среди них первостепенны и наиболее многочисленны письменные произведения. Они, представляя собой более или менее крупные сегменты и элементы культуры, созданные в какой-либо социальной группе, находятся во взаимодействии и в соответствии с культурой того или иного общества в целом.

В таком ракурсе интересно охарактеризовать выборы в земских мирах Русского Севера, основываясь на сложившихся в них документах XVI–XVII вв., и оценить выборы как историко-культурное явление в позднесредневековой России. Названный регион занимал обширную территорию от Заонежья до Предуралья. Он характерен тем, что в нем не сформировалось светское привилегированное землевладение, подобное центральнорусскому, это был край черносошных или черных земель с минимальной долей монастырских владений. Его населяли главным образом крестьяне и посадские люди весьма

немногочисленных городов. В своей социальной жизнедеятельности они были объединены в административных рамках черных волостей, издревле локализованных на определенной территории.

В понятии «черная волость» концентрировался коллектив лично свободных крестьян, которые воспринимали и позиционировали себя как соволощан и мир, сплоченный поземельно, фискально, судебно. С государством волостных крестьян связывали отношения верховного правителя и подданных, и в его пользу они были обязаны нести («тянуть») совокупность налогов и повинностей («тягль», тягло)¹. Черносошным (черным) крестьянам были присущи мировоззренческие представления, выражавшиеся в осознании ими своей: социально-групповой принадлежности и статуса, правоспособности, защиты личности от произвола. Судить об этом позволяют документы с конца XV в., например правые грамоты и судные списки, в которых фиксировался судебный процесс по конфликтам из-за земли между крестьянами черных волостей и привилегированными частными землевладельцами. Роль черной общины-волости, о чем шла речь в литературе, заключалась в охране земельных угодий от посягательств извне с использованием опыта крестьян — старожильцев и «знахорей», знавших и помнивших коллективную и индивидуальную принадлежность и границы земельных владений за многие десятки лет. Черная волость защищала своих сочленов, доказывая их социальную принадлежность именно к данному сообществу, участвовала в связях с внешним, по отношению к волости, миром.

На протяжении последней четверти XV — XVII в. волостные миры активно действовали, они были частью российского общества как единой системы. Ее целостность обеспечивалась функционированием соответствующих социальных структур, их ролью в поддержании относительно равновесия, динамического постоянства. Одну из важнейших государственных структур составляло управление с его подсистемами — высшей, центральной и местной властями. Все они скреплены, словно стержнем, общим принципом, а он произведен от организации власти, которая обуславливает и вырабатывает генетически соответствующие ей конкретные формы государственных институтов. Российский социум, естественно, был внутренне гетерогенен с ярко выраженным иерархическим устройством, социальным и правовым неравенством. В нем существовали чины привилегированного слоя и разряды непривилегированного населения, в свою очередь разновеликие и градуированные.

В России с конца XV в. на протяжении длительного времени происходило структурирование правящих групп, выделение из их среды аристократической элиты и категорий служилых людей. Поступательное формирование властных институтов сопровождалось переустрой-

¹ См.: Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 233–234.

ством центрального, а также местного управления. При реорганизации последнего значительное место отводилось выборным из местного населения. Уже Белозерская уставная грамота 1488 г. зафиксировала в ст. 19: «без сотцково и без добрых людей и не судити суд», а Судебники 1497 г. (ст. 38) и 1550 г. (ст. 62) развили норму об активной роли сотского и института добрых людей в наместничьем суде и в финансовой сфере, в частности в сборе кормов и «поборов» для наместников и их аппарата². «Добрые люди» — термин обобщенный, кроме сотских он включал пятидесятских и/или десятских, старост, целовальников, и они представляли в наместничьем суде социальную организацию непривилегированного населения — мир. Власть на местном уровне использовала сотских с добрыми и/или лучшими людьми в качестве уже существовавшего звена, готового к управленческой деятельности. Участие мирских выборных в суде, установленное Белозерской грамотой, Л.В. Данилова оценивала как подтверждение «наличия у городской и сельской общины развитого самоуправления, способного осуществлять публично-правовые функции»³. Включение при процедуре суда целовальников в состав добрых людей, которые в обоих Судебниках перечислены последними в ряду судебных «заседателей», говорит о том, что они к середине 1550-х гг. перестали быть разовыми участниками, дававшими присягу-крестоцелование. Данный факт показывает существовавшую связь целовальников с «лучшими людьми», к которым они, скорее всего, принадлежали. «Добрым», «лучшим людям» уделила внимание Л.В. Данилова. Она, основываясь на данных Судебников и разнотипных актов, полагает, что такие люди были опорой власти в судопроизводственной и управленческой практике. При этом «“добрые люди” или “лучшие люди”, длительное время принимаемые нашей историографией за зажиточных, совсем не обязательно были таковыми». Они хорошо были известны соволожанам, пользовались их доверием и уважением. Рассматриваемое понятие, убеждена автор, «не содержит в себе социально-экономического компонента. Это нравственная и обычноправовая категория, адекватное обозначение традиционной крестьянской элиты»⁴.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 192–195. Судебники XV–XVI веков. М.; Л. 1952. С. 24, 160–161. Подробный анализ Белозерской грамоты см.: *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. Гл. III.

³ *Данилова Л.В.* Сельская община... С. 236. См. также с. 250–252. В.А. Кучкин считает сотских представителями княжеской администрации. См.: *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 349, 403.

⁴ *Данилова Л.В.* Сельская верхушка в средневековой Руси // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда, 2001. С. 32–35.

Существенна норма Судебника 1550 г., введившая протоколирование судебного процесса, ставшее обязанностью «земских дьяков». Вместе с дворским, старостой и целовальником, которые удостоверили документ своими подписями, они становились участниками судопроизводства, однако их роль была пассивной. Они входили в состав «лучших людей» уже и потому, что грамотны. Принадлежность старост, целовальников, земских дьяков (дьячков) к мирским должностным лицам обеспечивала их соучастие в местном управлении и тем самым выделяла их среди соволожан.

Отмена в 1550-х гг. системы кормлений и проведение в 1556 г. земской реформы активизировали мирское самоуправление на Севере, возведя его на государственный уровень. События опричнины, затем Смутного времени пошатнули земское самоуправление в целом. Как известно, для восстановления политической системы и разрушенной экономики в 1613 г. на местах учреждалась власть воевод⁵. Однако в течение XVII в. в Поморских уездах воеводское управление сочеталось с сохранявшимся и активным мирским самоуправлением. Следует заострить внимание на значимых свойствах этого управленческого симбиоза. Во-первых, существовала генетическая связь мирского звена с публичным представительством и самоуправлением черных волостных миров XVI в., и его сущность хорошо раскрыл в своих работах А.И. Копанев. Во-вторых, государственная власть на протяжении конца XV — XVII в. приспосабливала и использовала формы мирской организации в местном административном управлении.

Проблема земской организации и самоуправления исследовалась в историографии конца XIX — XX в. с разной степенью интенсивности. Наиболее ценные в этой области работы принадлежат М.М. Богословскому, С.Ф. Платонову, Н.Н. Покровскому, Ю.Г. Алексею, Н.Е. Носову, А.И. Копаневу, а в отношении Сибири — В.А. Александрову и Н.Н. Покровскому и др.⁶ При разных подходах авторов к

⁵ Временник ОИДР. М., 1849. Кн. 3. Смесь. С. 6–8. Напомню, что законодательный акт об учреждении воеводского управления не известен.

⁶ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I; М., 1912. Т. II; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966; *Он же.* Крестьянская волость в Центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории чернослошного землевладения в России XVI — начала XVI в. Новосибирск, 1973; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и

характеризуемой проблеме принципиальное значение имеет их оценка самоуправленческой организации как действенной институции, бытовавшей у непривилегированных категорий населения России.

Организация и деятельность земских миров, бытовавших в конце XVI — XVII в. у черных крестьян Севера, наиболее документирована. Миры были соподчиненно устроены. Нижнюю ступень составляли разные по величине волостные миры, включающие около 20–30 малодворных деревень. Над ними на следующей ступени стояли более крупные образования — всеуездные земские миры, включавшие в себя волостные и посадские. Такие миры действовали в Великом Устюге, Тотьме, Сольвычегодске, Каргополе, в Подвинье. Также существовали сообщества, состоявшие только из волостных миров, и такое устройство было в Устьянских волостях и Заонежских погостах, ибо в этих административных территориях не было городов и значительных посадских центров, они были преимущественно сельскими. Характерно, что документы, образовавшиеся в деятельности объединенных миров, употребляли идентичные по смыслу понятия, они фиксируют сами миры как «земский мир» или «всеземский совет», а возглавлявших старост — «всеземский староста» или «выборный земский староста» (земский целовальник денежного сбора или просто сборщик)⁷. Для ведения судебно-полицейских расследований, имущественных споров и других дел существовали земские судьи (судейки), «судецкие» старосты и целовальники, а также сотские.

Конститутивным признаком, присущим всем земским мирам Севера во второй половине XVI — XVII в., несмотря на усиливавшееся государственное начало, было самоуправление. Его высшим проявлением было действие сходов, на которые собирались представители миров⁸. Владение земельным участком в волости и несение по нему тяглых обязательств — «с волостью в ряд» — определяло участие в сходах, причем присутствующие на них действовали от имени всех волощан — «во всех крестьян место» в силу делегированных им прав. Созыв схода по любому насущному вопросу инициировался уездным или волостным старостой. Они через сотских (пятидесятских)

общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991; *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997; *Она же.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

⁷ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. С. 273–275.

⁸ А.И. Копанев установил, что на сходах Куростровской волости Двинского уезда во второй половине XVI в. участвовало менее половины волощан (*Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 346–347.*)

оповещали волости и деревни, что уже засвидетельствовал документ Куростровской волости 1591 г.: «А пятидесятцкому на земские дела десятцких свещати. Десятцким нас крестьян свещати, а которому ж ведати свой десяток»⁹. С мест в волостной или уездный центр прибывали соответствующие мирские люди. Решения любого из сходов закреплялись письменно в специальном постановлении — «приговоре», а исполнение его решений было всеобщее обязательным. В конце календарного года по истечении полномочий мирской староста и другие должностные лица отчитывались перед сходом.

Самой важной публично-правовой прерогативой миров было избрание должностных лиц мирского самоуправления: старост, разных целовальников (в основном по финансовым делам), посыльщиков, а для ведения судебно-полицейских дел — земских судей (судеек), «судецких» старост и целовальников, сотских. Судить о земских выборах позволяют документы, сложившие внутри миров, обладающие высокой источниковой ценностью. Среди них первостепенны — именно относящиеся к выборам земских должностных лиц. Однако такие документы среди мирских приговоров немногочисленны. Два историка внесли большой вклад как в изучение самоуправления на Севере, так и источников, с ним связанных: в начале XX в. М.М. Богословский и через полвека А.И. Копанев¹⁰. Они издали вкуче около 50 документов второй половины XVI — первой половины XVII в., относящихся к действию мирских сходов и, главное, к мирским выборам¹¹.

Анализ приговоров убедил, что выборы проводились с ежегодной регулярностью в мирах разных уровней — волостном и уездном. Специально следует подчеркнуть — без контроля со стороны местной воеводской администрации и без каких-либо представителей от нее, как практиковалось в монастырских вотчинах, где на мирских выборах мог присутствовать посельский. Избрание на сходе мирских должностных лиц сроком на 1 год фиксировалось в его приговоре, который назывался «выбор», «выборный список». Из таких документов явственно предстает

⁹ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 418.

¹⁰ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909, 1912. Т. I, II; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Он же.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // *Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни.* Вологда, 1973. Вып. IV.

¹¹ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. С. 82–105; *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 398–431. Я опубликовала несколько документов крестьянских миров, действовавших в конце XVII — начале XVIII в. в вологодских вотчинах: архиепископской и Спасо-Прилуцкого монастыря. См.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. Приложение. С. 197–219.

процедура выборов как акция социальной практики. Выбор не только регистрировал, но подробно прописывал: состав и полноту схода; факт выбора того или иного должностного лица; его обязанности и тем самым полномочия; ответственность избирателей за избранных лиц перед государственной властью; финансовую подотчетность выборных должностных лиц перед миром. В содержании и формуляре выборного документа исследовательски выделяется несколько узловых частей, их можно назвать статьями, это: 1) поименное перечисление участников схода с завершающей фразой «...и все крестьяне...» или «...во всех крестьян место...», означавшей, что представители схода действуют от лица всех крестьян, живших в том или ином мирском сообществе; 2) констатация самого избирательного действия в устоявшейся формуле — все крестьяне «выбрали есми и излюбили в...» имярек с обозначением конкретной мирской должности и обоснованием добропорядочности избираемого; 3) фиксация обязанностей лица, избранного на ту или иную должность; 4) предоставление должностному лицу определенной свободы действий в соответствии с «мирским советом» и выделение в помощь старостам, целовальникам в случае необходимости людей (посыльщиков, сборщиков) для исполнения кратковременных, разовых поручений. Завершает приговор схода итоговая констатация документа, выраженная в формуле: «и в том ему (им) выбор дали». Она подтверждает свершение акта избрания, его общего признания и документирования. Анализ выборного приговора убедил, что избрание земских должностных лиц концентрировало в себе несколько этапных позиций, определяющих целостность их процедуры. Однако ею самой выборы не заканчивались. Непременной акцией по введению старосты или другого лица в должность было принесение присяги. Вновь избранное лицо путем публичного приведения к крестоцелованию утверждалось на своем посту. Обновленный состав земских людей во главе со старостой наносил визит воеводе как представителю местной администрации, который знаменовал собой утверждение смены земских должностных лиц и санкцию государственной власти на их деятельность.

Мирской аппарат местом своего пребывания имел земскую избу в уездном городе, а в волости чаще трапезную главной церкви. Именно в этих центрах сосредоточения земской власти велись текущие дела, разбирались судебные конфликты, хранился архив, держалась мирская касса — «столец», в которую поступали мирские деньги, специально собираемые на текущие финансовые нужды.

Выше говорилось о привлечении с XV в. к местному управлению в роли судебных заседателей старост, целовальников и «лучших / добрых людей». Выборные документы XVII в. не только обозначали мирскую должность избранника, но и подтверждали его социальное достоинство и соответствие возлагаемым обязанностям. Он должен быть человеком «добрым и душою прям и животом прожиточен» или

«добрым и прожиточным» или просто «добрым». Другими словами, от избранника на мирской пост требовалось быть нравственным, достойного, порядочного поведения, честным и справедливым, а также в меру обеспеченным, исправным хозяином. Таким образом, «выбор» предопределял наряду с морально-этической характеристикой кандидата и достаточное имущественное обеспечение, пусть и не самого высокого уровня. А.Л. Шапиро полагал, что термин «прожиточный» в XVII в. обозначал «не только и не столько богатых хозяев, сколько дворовладельцев, обладавших прожиточным минимумом»¹².

В литературе отмечено, что мирские должности занимали, иногда десятилетиями, крестьяне и/или посадские люди¹³, состоятельные в большей или меньшей степени, но необязательно зажиточные. В отдельных случаях по документам можно установить их принадлежность к одним и тем же семьям¹⁴. Это факты большой важности, и они проливают свет на внутреннее устройство непривилегированных сообществ. В земских мирах и частновладельческих общинах существовали группы людей, составлявшие очень тонкую прослойку, которые как бы специализировались на мирском управлении. Оно, несомненно, требовало определенных навыков и опыта в ведении дел, умения общаться с администрацией — вотчинной, воеводской и приказной в Москве; несомненно, грамотность была дополнительным плюсом. Крестьянин одной из волостей (Лежский волок) вотчины вологодского архиепископа извещал в 1683 г., что он в означенном году и в прежние годы был «в выборных старостах», но постарел. Вместо него «домовые крестьяне выбрали брата моего родного», и в этой связи он просил, чтобы на выбор его брата последовала «святительская грамота», а также «домовые дела и дворовое строение и казенные семена и село Никольское с деревнями» у него принять и «против росписных книг и во всем со мною росписаться». Молодой крестьянин той же вотчины сообщал архиепископским властям, что были у вотчинных «казенных у хлебных анбаров в целовальниках дед мой Василий Филиппов и отец мой Алексей многие годы», то есть два поколения крестьян выполняли обязанности хлебных целовальников. По смерти отца у него «остались на... крестьян того ж Лежского волоку заемные многие кабалы в заемном казенном хлебе и тех казенных анбаров ключи. И мне сироте у того хлебного сбора быть не в мочь»¹⁵. Пребывание в мирских ста-

¹² Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 166.

¹³ См.: Богословский М.М. Указ. соч. Т. I. С. 254.

¹⁴ Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 221; Бакланова Е.Н. Указ. соч. С. 143.

¹⁵ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 34. Карт. 8. № 19. Л. 15. № 121.

ростах и целовальниках денежных сборов налагало на них обязательства, связанные со сбором налогов и денег на мирские потребности, с займами под проценты, с тратами на необходимые нужды. Порой возникали непредвиденные обстоятельства, которые учитывали приговоры о выборах. Если «понадобятся деньги для государева скорого дела и для мирского» и возникала необходимость быстро возместить финансовые издержки или погасить заем, а денег из мирской кассы не хватало, то старосте или целовальнику приходилось восполнять их из собственных средств. Разумеется, выбираемым старостам и денежным целовальникам необходим был имущественный достаток.

Довольно редко представляется возможность получить сведения о личности мирских должностных лиц. Источники на этот счет крайне неинформативны. Крупицы их можно собрать из данных, вкрапленных в основное содержание разных источников. Просеивание текстов порой дает положительный результат, именно такой удалось получить о земском старосте Сольвычегодска Роспуге Максимове Пахтусове (Пихтусове). В 1635/36 г. он был всеуездным ямским старостой. О занимаемой им должности стало известно из документов масштабного сыска, который проводил в 1636–1637 гг. в Сольвычегодске и Устюге с их уездами специально присланный из Москвы дворянин А.Ф. Акинфиев. Причиной следствия стало острое противоборство воеводы Ф.С. Левашова и земского мира. Коллективное возмущение было столь велико, что «посадские людишка и волостные крестьянишка и во всех крестьян место» во главе с «ямским и всеуездным выборным» старостой С.Я. Стрекаловским подали на имя государя челобитную с перечислением многого воеводского «насильства». Особенное недовольство мира вызвало проявленное управителем попрание земских порядков, которые обеспечивали равновесие в отношениях воевод с миром. Приехав в Сольвычегодск, Ф.С. Левашов не проинформировал, как полагалось, мир о своем назначении. Он «призвал к себе на двор» старосту, земских целовальников и «многих мирских людей» и «словом сказывал мирским людям» о своем назначении на воеводство, но «государева наказу нам *в мир не вычитал*, почему ему велено быть у Соли на воеводстве». Он также «многие деньги с миру на себя правил», выпустил из тюрьмы злостных разбойников, взяв с них «великие поминки и откуп». Проступки воеводы мир счел столь значительными, что в своей челобитной потребовал воеводу «переменить», так как «впредь» с ним «Федором Левашовым жить не мощно»¹⁶. В ходе проводимого А.Ф. Акинфиевым сыска показания давали и мирские должностные лица. Роспуга Пахтусов сказал, что в момент конфликта он в Сольвычегодске отсутствовал и о произошедших событиях «не ведает», так

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. 1636–1638 гг. № 25. Ч. 1. Л. 9–16.

как был в отъезде на «Турье»¹⁷. Он при этом дал пояснение большой ценности: «а живу в Вилеготцкой волости в Спасском приходе от Соли верст с шездесят»¹⁸. В 1653/54 г. Роспута был всеуездным ружным старостой, что явствует из ведшейся в его «старощенье» приходо-расходной книги, в которой учитывались сборы «на всякой земьской мирской росход». Если наряду с ними староста собирал еще деньги ямские или на ругу храмам, то он назывался «ямской» или «ружный»¹⁹. Опираясь на указанный Роспутой «адрес», обратимся к материалу сольвычегодской писцовой книги 1626 г. В описании Вилегодской волости обнаружен Роспутко Максимов сын Пахтусов в одном из трех дворов дер. Керголдаевской на р. Виляди. В ней ему принадлежал еще один двор, пустой на момент описания. Двумя дворами с относящимися к ним обрабатываемыми земельными участками он владел по купчей грамоте 1606/07 г. В соседнем селении Выставке дер. Корниловской было 2 двора, в одном записан Обрамко Максимов сын Пахтусов, во втором — его брат Ивашко, они владеют землею и дворами по одной купчей 1588 г. Еще в одной соседней дер. Некормильцово на р. Виляди в одном дворе жил Трофимко Максимов сын Пахтусов с сыном Ромашкой, во втором — брат Трофима Филка (Максимов) Пахтусов, в третьем дворе значится Ивашко Кондратов, «мельник их». Земельными угодьями братья Пахтусовы владеют по деловой грамоте 1624/25 г. и по духовной грамоте 1598/99 г. У деревни на р. Ныслуге — «мельница колесная»²⁰. Итак, в трех соседних деревнях жили и хозяйствовались потомки Максима Пахтусова, приходившиеся друг другу братьями. Среди них и искомый Роспута, бывший, как говорилось, всеуездным сольвычегодским старостой в середине 1630-х гг. и с разрывом в 17 лет в середине 1650-х гг. В окрестных деревнях значатся еще крестьяне с тем же фамильным прозвищем. В двухдворной д. Скобелевской — Иван Иванов сын Пахтусов с сыновьями Андреем и Богданом, они владели землей по духовной 1551/52 г. и по деловой 1558/59 г.; в д. Корниловской Томилко Пospelов сын Пахтусов, купивший земельный участок

¹⁷ Турья — посад на р. Вымь в Усть-Сысольском (Яренском) уезде, в нем по переписи 1646 г. было 34 двора. См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложение. С. 30.

¹⁸ РГАДА. Ф. 141. 1636–1638 гг. № 25. Ч. 1. Л. 186. Примечательно, что дело о столкновении воеводы с миром Сольвычегодска разбиралось в присутствии государя Михаила Федоровича. Он его «слушал» и указал «послать дворянина добра с Москвы нарочно» для проведения сыска, материалы которого «прислать к государю к Москве. А приказал о том государеву дьяку Пантелею Чирикову в комнате. А о дворянине, ково послать, приказал государь думному дьяку Ивану Гавренину» (РГАДА. Ф. 141. 1636–1638 г. № 25. Ч. 1. Л. 2 об.).

¹⁹ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23-б.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 746 об.–747.

в 1623/24 г.; в двухдворной д. Иевлево один двор с земельным участком принадлежал братьям Роспутке и Якову, детям Пятого Пахтусова, по меновой грамоте 1618/19 г., а в выставке из той же деревни Ларка Семенов сын Пахтусов имел двор и землю по купчей 1623/24 г.²¹ Все названные крестьяне жили в соседних или близлежащих деревнях одного прихода и одной волости, они имели общее фамильное прозвание Пахтусовы, существовавшее, вероятно, уже не в одном поколении и закрепившееся скорее всего как фамилия. Они все составляли один родственный клан, ведущий начало от крестьянина с прозвищем Пахтус / Пихтус. Из рассмотренных документов вытекает, что хозяйственное обеспечение Р. Пахтусова не согласуется с вышеприведенным мнением А.Л. Шапиро о понимании термина «прожиточный» как своего рода минимума. Земельное держание и имущественное положение Роспуты и его братьев на фоне укорененности его родственников в ближайшей деревенской округе можно оценить как вполне состоятельное. Если же учесть принадлежность большинства крестьянских хозяйств на Севере к среднему по обеспеченности уровню (при минимальном числе крупных и мельчайших) и факт неоднородности и градуированности внутри среднего большинства, то Р.М. Пахтусов мог входить в высшую группу средней по достатку категории²².

Ориентация на человека «доброго и прожиточного» при выборе земского должностного лица оставалась неперменной и почти в неизменном виде существовала длительное время, причем в разнородных мирах. Она действовала, например, в 1680-х гг. в общине вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря²³. Это условие присутствовало также в выборных приговорах от начала 1720-х гг. одного из центрально-русских монастырей. Староста, цитирует документ Н.В. Соколова, — «человек доброй и душою прям и животом прожиточен и верить ему в таком деле мочно. . .». Она делает акцент на том, что элемент о прожиточности был одним из требований, предъявляемых частными землевладельцами к старосте. Исследовательница также установила «постоянную ротацию кадров мирского самоуправления»²⁴. Существование рассмотренной

²¹ Там же. Л. 744, 746, 749.

²² Швейковская Е.Н. Критерии зажиточности в российской деревне XVI–XVII вв. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 41–49.

²³ Бакланова Е.Н. Указ. соч. Приложение. С. 216.

²⁴ Соколова Н.В. Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII — первой четверти XVIII в. // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Материалы XVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 87–89, 95.

формулы о «прожиточности» характерно на протяжении XVI–XVIII вв. Ее обязательность в выборных документах свидетельствует о бытовании традиционных установок внутри мира, о стойкой ценностной ориентации его сочленов, практически неизменной во времени²⁵.

Резюмируя рассмотрение действовавшей в земских мирах Русского Севера в XVI–XVII вв. практики выборов, следует отметить, что ее суть — это регулярная социальная акция с отлаженной и протоколируемой процедурой. Она включала: 1) оповещение (извещение) о предстоящих выборах; 2) созыв схода и срок, определявшиеся в том или ином земско-мирском сообществе по сложившемуся порядку; 3) само избирательное действие, происходившее на сходе; 4) фиксация взаимных обязательств сторон — выбранных и избирателей в исполнении разнообразных публично-правовых функций; 5) оформление избирательного решения — мирского приговора с последующим его утверждением посредством принесения присяги. Разновременные документы, в которых зафиксированы выборы на мирские должности у крестьян как черносошных, так и частновладельческих, имеют непреходящее по своей роли значение для воссоздания социальной и культурно-исторической действительности.

В течение многих лет, как можно было убедиться, одни и те же лица исполняли мирские должности и происходило сосредоточение мирских постов и обусловленных ими управленческих обязанностей в определенных семьях, что выражалось в замещении должностей родственниками. Таким путем создавались условия для складывания в мирах руководящей группы, имевшей внутренние, подкрепленные родством, связи и общие интересы, своеобразной управленческой элиты. Концентрация в ее руках мирского дела вела, с одной стороны, к ограниченной внутрисемейной и узкогрупповой ротации земских «администраторов», а с другой — создавала условия для злоупотреблений. Слабая социальная мобильность, лимитированная принадлежностью мирских сообществ к четко определенным категориям внутри крестьянского сословия, консервировала внутренние устои и поддерживала воспроизводство социального традиционализма.

²⁵ При выборах церковных старост, членов причта мирские люди также стремились, чтобы их избранник был «человек добрый, не вор и не плут и не пришлый». Исследовательница вопроса отметила, что в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII в. должности волостного и церковного старост могли совмещаться в одном лице или исполняться попеременно, церковные старосты выполняли отдельные светские поручения мира, при выборном сроке в один год староста мог избираться на должность несколько лет подряд (*Тимошенкова З.А.* Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // *Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова.* СПб., 1996. С. 477, 488, 490 примеч. 4).